

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ И СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Имя Леопольда фон Ранке хорошо известно каждому историку, чего нельзя сказать об его произведениях. У нас их читают преимущественно специалисты по истории Западной Европы XVI—XVII вв. В дореволюционной России, среди широких кругов любителей исторического чтения, Ранке был мало популярен. Многие важнейшие его труды, считающиеся на Западе классическими («Германия в эпоху Реформации», «История Франции в XVI—XVII вв.», «История Англии в XVII в.», «Всемирная история» и др.), никогда не переводились на русский язык.¹ Очень мало в России и писали о Ранке.² — Русскую либерально-буржуазную интеллигенцию, возможно, отталкивало от Ранке (как отметил в свое время П. Г. Виноградов) его консервативное направление и пренебрежительное отношение к славянам и вообще к истории народов, не принадлежащих к «романо-германскому культурному кругу».³

Чем же может привлечь наше внимание Ранке сейчас, спустя 75 лет после его смерти и 135 лет после выхода в свет первой

¹ В русском переводе имеются лишь следующие труды: Государи и народы южной Европы в XVI—XVII вв. СПб., 1856; История Сербии. М., 1857 и СПб., 1876; Римские папы. 3-е изд., СПб., 1874 (первые два издания 1842—1847 и 1869 гг.); Об эпохах новой истории. М., 1898.

² Можно назвать только: П. Виноградов, Ранке и его школа. «Русская Мысль», 1888, № 4 (то же в «Журнале Министерства Народного Просвещения», 1884, № 1); некролог А. С. Травецкого в «Известиях Новороссийского Университета», 1889, т. XII; Е. Н. Щепкин. Автобиография Ранке. «Русская Мысль», 1893, № 8 и 1894, № 1; В. П. Бузескул. Леопольд фон Ранке. Исторические этюды. СПб., 1911. В советское время были опубликованы только: В. Бузескул. Ранке и Штенцель. «Известия АН СССР», VI сер., т. XX, 1926; О. Вайнштейн. Ранке и романтическая школа. «Историк-марксист», 1940, № 5.

³ В предисловии к «Об эпохах новой истории» (1898) П. Г. Виноградов, говоря о наличии некоторых «странных» и неприемлемых для русского читателя положений в этой книге, имел несомненно в виду именно эти черты творчества Ранке.

его работы? Мы имеем в виду не тот чисто историографический интерес, который со стороны специалистов является естественным по отношению к творчеству любого крупного историка, но более широкий, общественный интерес, который возбуждает позиция исторической науки по отношению к актуальным проблемам современности.

Труды Ранке во многих отношениях сильно устарели; между тем собрания его сочинений, отдельные произведения, переписка издаются и переиздаются на Западе по сей день и притом, — что особенно характерно, — чаще всего в форме общедоступных «народных» изданий, освобожденных от громоздкого «ученого аппарата». ⁴ А ведь даже по признаниям самых горячих его почитателей, Ранке писал совсем не для народа, ⁵ и хотя его выражение «история — это наука королей» ⁶ нельзя понимать слишком буквально, все же именно в королях, принцах, министрах и прочих представителях правящих кругов Европы он видел своих главных и самых желанных читателей.

Непрерывно растет и литература о Ранке. К тем 400 названиям, которые зарегистрировал в 1910 г. Гельмольт в своей *Ranke-Bibliographie*, прибавилось множество новых. Самые различные направления буржуазной историографии считают необходимым определить свое отношение к Ранке: он продолжает и теперь, в середине XX в., оставаться центральной фигурой историографических исследований — в первую очередь в Западной Германии и в США.

⁴ Таковы следующие издания: L. von Ranke: *Ausgewählte Schriften*, hrsg. von Dr. Ramhorst. Berlin, 1918; *Aus zwei Jahrhunderten deutscher Geschichte. Zusammengefasste Darstellung von Cäsar bis Bismark*. Hrsg. von G. Roloff. Leipzig, 1924; *Historische Meisterwerke. Ausgewählt und hrsg. von Dr. A. Meyer und Dr. H. Michael*. 24 Bde., Hamburg, 1929—1931 (далее цитируется: *Meisterwerke*); *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*. Neudruck der von Prof. Dr. P. Joachimsen hist. krit. Ausgabe. Leipzig, 1933—1937; *Die Römische Päpste*. 3 Bde., München, 1938; *Das Zeitalter der Kruzüge und das späte Mittelalter*. Meersburg, 1935; *Geschichte und Politik. Ausgewählte Aufsätze und Meisterschriften*. Stuttgart, 1940; *Maria Stuart und ihre Zeit*. Berlin, 1942; *Oliver Cromwell und seine Zeit*. Berlin, 1943; *Geschichte des Altertums*. Berlin—Stuttgart, 1938; *Das Briefwerk von L. von Ranke*. Hrsg. von W. P. Fuchs. Hamburg, 1949 (далее цитируется: *Das Briefwerk*); *Neue Briefe von L. von Ranke. Gesammelt und bearbeitet von B. Hoeft*. Hrsg. von H. Herzfeld. Hamburg, 1949 (далее цитируется: *Neue Briefe*). А ведь это только то, что имеется в одной Ленинградской Государственной Публичной библиотеке.

⁵ См., например, J. H a s h a g e n. *Schlussbetrachtung zu Rankes Meisterwerk*. Bd. 24, Hamburg, 1931, S. 468. «Конечно, Ранке был аристократом духа... во всем, вплоть до стиля, чувствуется в нем аристократ... Он писал не для широких масс».

⁶ *Das Briefwerk*, S. 53.

Этот устойчивый интерес к «старому мастеру большой немецкой историографии»,⁷ особенно усилившийся за последние годы, требует объяснения. В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать Ранке как идеолога правящих классов Германии XIX в. и выяснить те черты его творчества и мировоззрения, которые особенно привлекают внимание как историков — апологетов империализма и идеологов «холодной войны», так и сторонников разрядки в международных отношениях.

* * *

Годы жизни Ранке (1795—1886) почти полностью совпадают с периодом расцвета буржуазной исторической науки и подъема интереса к истории в самых широких кругах общества. Не удивительно, что Ранке, уже будучи учителем латинского и древнегреческого языков в гимназии во Франкфурте-на-Одере, избрал профессию историка.⁸ Ему удалось быстро выдвинуться на этом поприще, причем, помимо природного дарования и большой трудоспособности, немалую роль в его успехе сыграло умение приспосабливаться к любой обстановке и к любым людям, особенно к власти имущим.

В 1822 г. в письмах к друзьям он осуждал реакцию, царившую в полицейско-бюрократическом государстве Гогенцоллернов, но это не мешало ему одновременно настойчиво домогаться у реакционнейшего прусского министра фон Альтенштейна и у его помощников, мракобесов Камптца и Шульца, своего перевода по службе в Берлин. Не успела выйти в свет первая книга Ранке «История романских и германских народов в 1484—1515 г.» с приложением к ней замечательного для своего времени источниковедческого этюда «К критике новых историков», как он был назначен (в 1825 г.) экстраординарным профессором Берлинского университета.

Уже в самом начале своей ученой карьеры Ранке выдвинул две задачи, которые определили в дальнейшем его собственную деятельность и характерные признаки созданной им школы: во-первых, обновить науку новой истории путем широкого использования архивных материалов, во-вторых, применить к этим материалам те приемы критики текста, сличения и перекрестного «допроса» источников, которые были разработаны классической филологией. Все то, что Ранке делал в этом на-

⁷ Leo Stern. *Gegenwartsaufgabe der deutschen Geschichtsforschung*. Berlin, 1952, S. 16: «Ranke, der Altmeister der grossen deutschen Geschichtsschreibung...».

⁸ Das Briefwerk, S. 53.

правлении, было бесспорно шагом вперед в исторической науке. Новизною метода, хотя примененного еще несовершенно, и материалов, хотя еще весьма недостаточных, был в значительной степени обусловлен успех второй его работы «Государи и народы Южной Европы в XVI—XVII вв.» (1827). Этот успех помог Ранке получить у скарредного прусского правительства средства для трехлетней научной командировки в Австрию и затем в Италию.⁹

В Праге и в Вене Ранке сблизился с деятелями «славянского возрождения» — Добровским, Копитаром, Вуком Караджичем. От Караджича он получил готовый материал для своей новой книги «История революции в Сербии» и на первых порах даже называл его своим соавтором. Для характеристики молодого историка, который в берлинском салоне Варнгагена фон Энзе и в беседах с Генрихом Гейне разыгрывал из себя либерала, а в передних министров — консерватора, интересно то, что он писал книгоиздателю Пертесу по поводу этого труда: «История этой революции отнюдь не является ее восхвалением, но столь же мало я ее порицаю... Да и государственный строй турок выступает здесь нагляднее... и не совсем ко вреду для них... Работа так составлена, что понравится и в Австрии. Этот рассказ, конечно, ни одного человека не побудит к восстанию».¹⁰

Гораздо полезнее, чем знакомство со славянскими писателями, оказалось для Ранке сближение с Гентцем, махровым реакционером, который ввел его в круг вопросов большой европейской политики и помог получить доступ к секретным архивам Вены и Венеции.¹¹

Восхваляя в письмах из Италии «либерализм» Гентца и его хозяина Меттерниха, сокрушаясь по поводу «несправедливого отношения партии либералов» к австрийскому правительству, Ранке в то же время «наслаждался общением» с открытым врагом австрийского и прусского реакционных правительств Генрихом Гейне, которого он даже назвал как-то своим «единомыш-

⁹ Дело не обошлось без самой грубой лести. «Я знаю и чувствую, — писал Ранке 13 III 1828 министру фон Альтенштейну, — что я подчиняюсь правительству свободомыслящему (!) и поощряющему науку» (Neue Briefe, S. 103). — Ему пришлось также уверять министра в том, что пребывание за границей не изменит его убеждений и его преданности Пруссии (там же, стр. 105, сл.).

¹⁰ Das Briefwerk, S. 165.

¹¹ Neue Briefe, S. 99 ff. (Письма к фон Кампцу и фон Альтенштейну из Вены). Поразительная благосклонность к Ранке со стороны Гентца и самого Меттерниха породила даже слухи о его намерении перейти в католичество, обеспокоившие его берлинских покровителей. См. его письмо фон Кампцу от 3 VII 1828 (Das Briefwerk, S. 163).

ленником». ¹² Это было явное недоразумение. Гейне не поддался чарам восходящего светила немецкой историографии, хотя на первых порах несколько преувеличил его «безобидность» и «простодушие». ¹³

Когда Ранке в 1831 г. вернулся из Италии в Берлин, прусское правительство назначило его главным редактором «Историко-политического журнала», созданного для идеологической защиты феодально-бюрократического строя Пруссии и вообще существующего порядка в Германии от проникавшей из Франции «революционной заразы». ¹⁴ В. П. Бузескул, как и все биографы Ранке, утверждал, что тот «выступал как против революционных, так и против реакционных идей». ¹⁵ В действительности же Ранке всеми силами души ненавидел только революцию. Остатки худосочного либерализма исчезли у него при первых известиях об июльской революции в Париже. ¹⁶ Страх перед революцией и даже более того — перед малейшим нарушением «исторически сложившейся системы» становится лейтмотивом его исторических трудов. ¹⁷

¹² Das Briefwerk, S. 179; ср.: Hans F. Helmolt. Leopold von Ranke's Leben und Werke, Leipzig, S. 43. Единомысленником (Gleichgesinnten) Ранке называет Гейне в письме из Рима от 10 X 1828 (Das Briefwerk, S. 198).

¹³ Вот что он писал по поводу этого знакомства: «(Прусское правительство) компрометирует не только крупные (Гегель, Шлейермахер), но и мелкие имена. Вот, например, бедняга Ранке... у него прекрасный талант вырезать маленькие исторические фигурки и живописно приклеивать их одну к другой; это безобидная добрая душа, он приятен как жареная баранина с тельтовской репой — этот простодушный человек, которого я сделал бы своим другом дома, если бы когда-нибудь женился, — и ко всему тому еще либерал...» (Heine. Französische Zustände. Vorrede).

¹⁴ Ранке охотно принял это предложение, как видно из его письма к министру Бернstorфу, где он говорит о готовности «послужить отечеству и добродушному делу», под которым разумеется «защита нашего отечественного развития от волны чуждых нам требований». См.: Das Briefwerk, S. 243 и S. von Varrentrapp. Ranke's Historisch-Politische Zeitschrift und der Berliner Politische Wochenblatt. «Historische Zeitschrift», Bd. 99, 1907, S. 53.

¹⁵ В. П. Бузескул. Л. Ранке. «Вестник и библиотека самообразования», 1909, стр. 1418.

¹⁶ Das Briefwerk, S. 224 (an Heinrich Ritter).

¹⁷ Гейне тотчас же дал отпор реакционным историко-политическим спекуляциям Ранке и его друзей. В заметке «О различном понимании истории» (Verschiedenartige Geschichtsauffassung; Г. Гейне, Собр. соч., М.—Л., 1958, т. 6, стр. 7—8) он со свойственным ему остроумием высмеял «мудрецов исторической школы», которые «самым сладеньким образом прикрашивают... политический порядок вещей в отечестве». Статья заканчивается следующим едким замечанием: «Одно достаточно хорошо известное правительство в Северной Германии особенно умело поддерживать этот взгляд; оно отправляет путешествовать людей с тем, чтобы они вырабатывали в себе среди эллигических развалин Италии добродушно-успокой-

Желание Ранке сделать свой журнал «лучшим в Европе»¹⁸ не осуществилось, и в 1836 г. «Историко-политический журнал» за отсутствием читателей прекратил свое существование. Наученный горьким опытом, Ранке в 1836 г. не захотел занять предложенный ему пост редактора правительственной газеты. «Книга, которую я напишу, — объяснял он мотив своего отказа министру Эйхгорну, — будет важнее для высших целей государства, чем редактирование мною чужих работ».¹⁹ Этот отказ вовсе не означал отхода Ранке от политической деятельности, как уверяют его биографы.²⁰ Известна программная речь Ранке «О родстве и различии истории и политики», в которой дано развернутое теоретическое обоснование необходимости сотрудничества между ученым-историком и государственным деятелем. «Нет политики без точного познания государства, — указывал Ранке, — а это познание невозможно без знакомства с его прошлым, которое дает история».²¹ При этом, разделяя воззрения исторической школы права, которая «подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего»,²² он ставит акцент на одерживающем, консервативном влиянии истории на политику.

В этом духе он воспитывал своих учеников — кронпринцев Баварского, Вюртембергского, Ганноверского; в этом же духе он давал политические советы Фридриху-Вильгельму IV Прусскому и руководителям других немецких государств. Так, например, во время революции 1848 г. Ранке представил прусскому королю памятную записку, в которой резко высказывался против избирательного закона, «дающего участие в управлении ремесленникам и поденщикам ... между тем как они, не имея никакого понятия о государственных делах, могут надеяться на свое

тельные фаталистические воззрения и потом, вкупе с проповедниками христианского смирения, успокаивали трехдневную горячку свободы холодными журнальными компрессами. Что ж! Кто не в состоянии подняться силою свободного духа, пусть ползает себе на земле (mag am Boden ranken); но будущее научит это правительство, как недалеко можно уйти интригами и хитростями (mit Ranken und Ränken)». Здесь непереводаемая игра слов, имеющая в виду Ранке и его друзей. Как известно, в 1842 г. в приложении к Рейнской газете была напечатана статья Маркса «Историческая школа права» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, Госполитиздат, М., 1955), имеющая прямое отношение к Ранке, хотя его имя и не упоминается.

¹⁸ Das Briefwerk, S. 247 (an Fr. Perthes, 24 XII 1831).

¹⁹ Das Briefwerk, S. 295, ср. также стр. 293—294. Газета, о которой шла речь, называлась «Preussische Staatszeitung».

²⁰ Например, G. P. Gooch. History and Historians. London, 1920, p. 85; Hans F. Helmolt, ук. соч., стр. 102.

²¹ De historiae et politicis cognatione et discrimine. Rankes Sämtliche Werke, Dritte Ausgabe, Leipzig, 1894, Bd. 24 (далее цитируется: SW).

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 416.

освобождение только путем присоединения к крайним мнениям». ²³ Его страшат даже требования умеренной буржуазии, так как за ними скрывается «ярость красной республики»; он «готов плакать, видя, что единство священной империи связывается с кровавым безумием народного суверенитета». ²⁴ Но самого опасного врага существующего строя Ранке видел, конечно, не в либеральной буржуазии, а в пролетариате, недавно выступившем на политическую арену. В марте 1848 г. он записывает в свой дневник: «Из гущи европейского общества поднимается сила, взлелеянная (!) королями и нациями, источник благосостояния, носитель денежного и торгового движения — население фабрик (*die Population der Fabrik*), поднимается, чтобы опрокинуть общество или овладеть господством над ним». ²⁵ Эта сила представляется ему «развращенной, аморальной, насильственной». Ее можно держать в узде только с помощью войска, которое поэтому должно полностью остаться в подчинении у короля, даже если последнему придется даровать конституцию. Уже в октябре 1848 г. Ранке наметил для Фридриха-Вильгельма IV программу реставрации старых порядков, которая была осуществлена в 1849—1850 гг. ²⁶

Ранке проявлял большую активность также в вопросах внешней политики. Являясь идеологическим представителем не одной лишь немецкой, но и общеевропейской реакции в 50-х годах, он ратовал за нейтралитет Пруссии, Баварии и других немецких государств во время Крымской войны, мотивируя свою поддержку царской дипломатии тем, что «Россия представляет принцип сопротивления либерализму». ²⁷ Он вел в этом духе переговоры с английским министром лордом Расселем, с русским послом в Вене бароном Мейердорфом, с бывшим французским министром Жиро, добиваясь компромиссного решения конфликта России с Англией и Францией, ослаблявшего, по его мнению, силы европейской реакции. ²⁸ С Мейердорфом, которого он в одном письме называет «своим благодетелем», у него были старые связи; в 1852 г. Ранке через него внушал Николаю I, что «могущественная Пруссия нужна самой России», так как

²³ SW, Bd. 49—50, S. 652—666.

²⁴ Das Briefwerk, S. 339; Neue Briefe, S. 331.

²⁵ «Deutsche Revue», 1904, Jan., S. 87; Das Briefwerk, S. 339.

²⁶ SW, Bd. 49—50, S. 591; S. von Varrentrapp, ук. соч., стр. 111.

Позже он высказывался даже против той умеренной конституции, которую Бисмарк счел нужным дать Германской империи. «Базис монархического государства, — писал он в 1871 г. Мантейфелю, — финансы и войско: они не должны зависеть от парламента» (Neue Briefe, S. 556).

²⁷ Das Briefwerk, S. 402.

²⁸ Там же, стр. 407.

«без наличия крепкой силы в Северной Германии революционный поток переклестнет через (русскую, — О. В.) границу».²⁹ Эта попытка использовать в интересах Пруссии страх Николая I перед революционным движением на Западе позволяет думать, что Ранке в данном случае выполнял специальное задание прусского правительства. Еще яснее свидетельствует об его роли негласного дипломатического агента то обстоятельство, что свои частые поездки в столицы европейских государств для работы в архивах он неизменно использовал для бесед с влиятельными государственными деятелями на актуальные политические темы. Как видно из представленного им прусскому правительству отчета о беседе со «старым другом» Адольфом Тьером в Вене в октябре 1870 г., Ранке должен был вывести максимальный размер уступок, на которые пойдут правящие круги Франции ради прекращения войны. Помимо «большой контрибуции», это была уступка двух французских провинций в качестве «гарантии» — «не против Франции как таковой, а против новых революций во Франции».³⁰ Позже, в 1871 г., выступая в качестве рупора самых реакционных кругов европейской и в особенности немецкой буржуазии, Ранке восхвалял Тьера за то, что тот «оказал величайшие услуги доброму делу: уничтожил Коммуну, распустил национальную гвардию, обеспечил выполнение мирного договора».³¹

Провозглашенный Ранке в 1836 г. союз историографии с «практической» политикой получил наиболее отчетливое выражение в его взаимоотношениях с Бисмарком. «Железный канцлер» был учеником и поклонником Ранке и считал, что произведения последнего столь же ценны в качестве назидательного чтения, как и библия. Ранке в свою очередь писал, что наблюдения над политикой Бисмарка многому научили его как историка. Правда, Бисмарк отклонил однажды совет Ранке аннексировать Швейцарию, чтобы таким образом «уничтожить опасный для Европы очаг социализма»,³² а Ранке был подчас недоволен «радикализмом» Бисмарка в решении вопросов государственного устройства Германской империи.³³ Но в основном они были единомышленны. Научные труды Ранке давали историческое обоснование политике объединения Германии «железом

²⁹ Там же, стр. 357—364; S. von Varrentrapp, ук. соч., стр. 117.

³⁰ Das Briefwerk, S. 502—505 (изложение беседы с Тьером 12 октября 1870 г.).

³¹ Neue Briefe, S. 599 ff.

³² Ant. Guillaud. L'Allemagne nouvelle et ses historiens, Paris, 1899, p. 67—68.

³³ См.: Neue Briefe, Einleitung, S. XXVI.

и кровью» и всей внешней политике Бисмарка после объединения.³⁴

Немецкая буржуазия, пока она была еще либеральной и пацифистской, видя в Ранке — сыне скромного пастора — перебежчика в чужой лагерь и политического противника, невысоко ставила Ранке как историка. Когда Гервинус опубликовал в 1861 г. биографию Шлоссера, в которой он противопоставлял этого историка, своего учителя, «архивно-дипломатической» школе Ранке, — школе, которая, по справедливому замечанию Гервинуса, все внимание уделяет «внешним отношениям и различным мелочам», то на страницах журналов и газет развернулась полемика, закончившаяся поражением сторонников Ранке.³⁵ Час полного торжества Ранке настал только после того, как немецкая буржуазия, преклоняясь перед успехами Бисмарка, признала руководящую роль юнкерской Пруссии. В объединенной Германии официальный «историограф Пруссии» (это звание было пожаловано Ранке в 1841 г.) стал главою всей буржуазной исторической школы. В 70-х годах исторические кафедры в немецких университетах были заняты исключительно учениками Ранке или людьми, которых он рекомендовал. Начинается пора его безудержного прославления. Его называли «королем историографии» (Лоренц), «величайшим мастером объективной истории» (Дильтей), «непревзойденным в веках историком» (Гельмольт), «величайшим историческим мыслителем немецкой нации» (Мейнеке) и т. д. и т. п.

К этому хору похвал присоединили свои голоса и историки из других стран, прошедшие выучку в семинарах самого Ранке или его ближайших учеников. Творчество Ранке было провозглашено новым, высшим этапом в развитии историографии. Ему ставили в заслугу разработку более совершенных приемов исторической критики, систематическое привлечение архивных материалов для изучения истории начиная с XVI в., тогда как прежние исследователи опирались главным образом на мемуарные источники; ценили точность его документации, мастерство композиции и исторического рассказа. Уже во всем этом было

³⁴ Один из представителей школы Ранке Макс Ленц показал, что Ранке был «пропагандистом путей для Бисмарка». См.: M. Lenz. Ranke und Bismark. Kleine historische Schriften, Leipzig, 1910, а также письма Ранке к Бисмарку от 22 октября 1877 и 13 октября 1882 гг. (Das Briefwerk, S. 547 и 577). В новейших работах делались попытки доказать, что Ранке вовсе не был сторонником единства Германии в бисмарковском духе (См.: W. Mommsen. Stein—Ranke—Bismark. München, 1954 и H. Liebschütz. Ranke. London, 1954), но без всякого успеха.

³⁵ В свое время эта полемика получила у нас отражение в статье Н. Поповского «Жизнь и политические идеи Гервинуса» («Отечественные записки», 1873, т. CCVII, стр. 139, сл.).

немало преувеличений.³⁶ Особенно неосновательно было восхваление Ранке за его стремление к «объективности», к отысканию «голой истины без всяких прикрас, без выдумок даже в малейшем»,³⁷ причем характерная оговорка Ранке — «поскольку истина вообще достижима и может быть выражена словами»³⁸ — не принималась во внимание. Между тем нетрудно показать на бесчисленных примерах, насколько сам он был далек от этого идеала, несмотря на уверенность в том, что он его достигнет, «если угодно будет богу».

«Объективность» Ранке часто иллюстрируют на примере его «Истории пап», написанной так, что «невозможно решить, является ли автор протестантом или католиком».³⁹ При этом упускают из виду, что это произведение написано в то время, когда борьба между протестантством и католицизмом давно уже утратила свою остроту и свое прежнее социально-политическое содержание. Неизгладимая печать классовых, партийных, национальных и конфессиональных симпатий и предрассудков лежит на всех трудах Ранке, не исключая его «Истории Германии в эпоху реформации», считавшейся образцом объективности. Во втором томе этого произведения, где излагается история крестьянской войны в Германии, тенденциозность Ранке выпирает буквально из каждой страницы. Изложению этой истории не предшествует даже самая общая характеристика социального и экономического положения крестьянства. В духе своей исторической концепции, предоставляющей определяющую роль идеям, Ранке для выяснения предпосылок восстания останавливается только на деятельности проповедников, агитаторов. С этим связано его общее объяснение возникновения крестьянской войны, выдвинутое в самом начале данного тома. Пока государственная власть сильна и пока общественное мнение настроено в пользу правительства, — рассуждает здесь автор, — до тех пор никакое восстание невозможно; но стоит только ослабнуть правительству, как начинается деятельность

³⁶ Еще в 1861 г. Гиндели, крупный знаток истории XVII в., обвинил Ранке в двух грехах: во-первых, в том, что он плохо знаком с литературой (Ранке и сам признавался, что не дочитал до конца ни одной чужой исторической работы); во-вторых, в том, что он даже в таких *Meisterwerke*, как «История пап» и «Французская история», нередко ссылается на архивные фонды, которые были ему недоступны. См.: Th. H. Ward, «English Historical Review», 1893, July; G. P. Goesch, ук. соч., стр. 92, п. 1.

³⁷ SW, Bd. 34, S. 23; Das Briefwerk, S. 286 («Первейшей моей задачей является открытие исторической истины»; ср. также его знаменитое «wie es eigentlich gewesen»).

³⁸ Das Briefwerk, S. 271.

³⁹ Слова французского историка Дроза в его рецензии на кн. Србика *Geist und Geschichte* в журнале «Revue Historique», т. 208, 1952.

агитаторов и смутьянов и возникает угроза массового движения и переворота. Это и произошло в Германии начала XVI в., когда в связи с ослаблением имперского правительства по всей стране распространились «разрушительные идеи». Среди носителей этих идей, «агитаторов и смутьянов», назван и Томас Мюнцер. Образ этого великого крестьянского вождя Ранке стремится всячески очернить, используя для этого клеветнические писания его заклятых врагов — Лютера и Меланхтона. Произведения же самого Мюнцера Ранке полностью игнорирует. В результате Мюнцер выступает в освещении «беспристрастного и объективного» историка Ранке как сумасбродный фантазер, абсолютно непригодный к роли политического деятеля.

Все крестьянское движение в целом Ранке изображает как движение ничтожного меньшинства; основная масса крестьян была втянута в восстание только угрозами со стороны кучки мятежников перебить нежелающих к ним присоединиться и поджечь их дома. Здесь особенно ясно видно, что реакционный исследователь в своем классовом ослеплении способен договариваться до нелепостей. Срыв переговоров крестьян с швабским союзом он объясняет неумеренностью требований восставших. К этому присоединяется удивительное по своей филистерской пошлости замечание Ранке: «Человек так создан, что ему всегда мало того, что ему дают». К тому же крестьяне, проникнутые «разрушительными коммунистическими идеями», не хотели успокоиться за тех пор, пока не уничтожат в Германии все, кроме крестьянских хижин. И Ранке в заключение выражает радость по поводу разгрома крестьянского восстания, которое угрожало самому существованию «немецкого духа».

В третьем томе столь же «объективно» изложена история Мюнстерской Коммуны. Ранке, так любящий подвергать скрупулезной критике свои источники, оказывает полное доверие самым ненадежным свидетельствам, если только они способствуют очернению движений народных масс. История Мюнстерской Коммуны, как и всех других революционных событий в Германии первой трети XVI в., построена на некритическом использовании заведомо лживых рассказов и измышлений душителей революционного движения или предателей и перебежчиков из лагеря восставших.⁴⁰

Для характеристики так называемой объективности Ранке имеет значение и то обстоятельство, что он, как видно из его переписки, бывал вынужден вступать в сделки со своей научной

⁴⁰ Более подробный разбор этого произведения см. в нашей статье «Ранке и романтическая историография» («Историк-марксист», 1940, № 5).

совестью, легко поддаваясь прямому давлению со стороны прусского правительства;⁴¹ если это происходило не так часто, то ведь между «историографом Пруссии» и правительством имелось полное единодушие по социальным и политическим вопросам.

Как бы, однако, ни восхваляли апологеты Ранке его «объективность», отнюдь не в ней, а в его общеисторической концепции кроется причина его исключительного успеха. Для буржуазной, в первую очередь немецкой, историографии непреходящее значение имела та картина всемирно-исторического, а по существу западно-европейского процесса, которую он нарисовал в своих произведениях, и те выводы, которые были отсюда сделаны его последователями.

* * *

Марксистский анализ исторической концепции Ранке облегчается наличием у основоположников марксизма определенных высказываний, содержащих прямые или косвенные оценки творчества этого историка. Еще в 1845 г., подвергая уничтожающей критике всю немецкую идеалистическую историографию, Маркс и Энгельс писали: «В то время как французы и англичане держатся по крайней мере политической иллюзии, которая все же наиболее близка к действительности, немцы ... возводят религиозную иллюзию в движущую силу истории». К этому месту «Немецкой идеологии» Маркс сделал на полях приписку, показывающую, что он имел в виду в первую очередь школу Ранке: «так называемая объективная историография заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер».⁴² В 1864 г. Маркс в письме к Энгельсу в первый и последний раз упоминает имя Ранке, называя его «камердинером истории», который заставляет своих учеников «издавать ужасные анналы немецких

⁴¹ См.: Neue Briefe, S. 480 (письмо к вюртембергскому министру фон Мюллеру насчет отбора документов для их публикации); там же, стр. 590 (письмо от 3 I 1873 генералу Мантейфелю: «Из высочайших кругов я получил указание щадить живых и избегать острых выражений»); там же, стр. 598 (письмо к Бисмарку). Ср. письмо от 24 XII 1872 к приближенному императора Вильмовскому: «Все могущее вызвать недовольство я выбросил... В тех случаях, когда выбросить нельзя было, я следовал указаниям его величества, ибо ничто не было бы для меня горше, чем вызвать малейшее недовольство государя» (Das Briefwerk, S. 516—517). Неизвестно, причислял ли Ранке подобные случаи к «случайным» или к «естественным помехам человеческого существования», делающим объективность историка только идеальной целью.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 39.

императоров», а сам занимается собиранием анекдотов и «сведением всех великих событий к мелочам и пустякам».⁴³ В последующие годы полное игнорирование Марксом и Энгельсом трудов Ранке уже само по себе являлось выражением их крайне отрицательного отношения к этому историку. Глубокий смысл имеет также то обстоятельство, что как раз в 1885 г., когда слава 90-летнего Ранке достигла апогея и казенная наука повсеместно отмечала его юбилей, Энгельс писал: «... в Германии ... вся историческая наука ... пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно. Разве не прекрасным примером того, что Гегель называл иронией всемирной истории, является тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения первой европейской державы германская историческая наука оказалась снова низведенной до такого же жалкого состояния, в котором она находилась в период глубочайшего политического упадка Германии после Тридцатилетней войны».⁴⁴

Причина столь безоговорочного осуждения Марксом и Энгельсом Ранке (и всей возглавляемой им школы) станет нам понятной, если обратиться прежде всего к его исторической методологии. Философской основой творчества Ранке был и до конца оставался провиденциализм августиновского толка. Во всех исторических явлениях, — пишет он в предисловии к своей первой работе, — виден «перст божий». Исторический процесс является осуществлением «божественного плана», образующего связь между эпохами и придающего всему процессу единство.⁴⁵ Познание прошлого, — повторяет он вслед за блаженным Августином, — имеет целью «исследование планов божьего управления миром», обладающих достойным восхищения «возвышенным, величественным» характером и представляющих «моменты воспитания человечества богом».⁴⁶ Не только общий ход истории, но и причинная связь между событиями непосредственно определяется богом, живущим и проявляющим себя в каждом действии, в каждом мгновении исторической жизни. Историк является служителем бога и учителем людей.⁴⁷

⁴³ Там же, т. XXIII, стр. 201.

⁴⁴ Там же, т. XXVII, стр. 409. Ср. замечание об «официальной историографической науке» в Германии в письме Энгельса к Е. Паприц от 26 июня 1884 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, стр. 380).

⁴⁵ SW, Bd. 53—54, S. 659—666; E. Mühlbe. Selbstzeugnisse Rankes über seine Historische Theorie und Methode. Berlin, 1928, S. 61.

⁴⁶ Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 25; Das Briefwerk, S. 268; Eug. Guglia. Rankes Leben und Werke. Leipzig, 1893, S. 318.

⁴⁷ Das Briefwerk, S. 285; SW, Bd. 51—52; Th. Steinbüchel. Ranke und Hegel (Grosse Geschichtsdenker). Tübingen, 1949, S. 190.

Из этой мистикобогословской концепции вытекает представление о решающей роли религии в истории человечества. «Нет никакой деятельности, имеющей духовное значение, — поучает нас Ранке, — которая не вела бы своего происхождения из глубокого ... отношения к богу и к божественным вещам; таким образом, нельзя себе представить нацию, достойную названия великой, политическая жизнь которой не руководится религиозными идеями».⁴⁸ Важнейшие исторические события являются следствием борьбы идей, «великие, создающие жизнь битвы всегда происходят в сферах убеждения, мысли»,⁴⁹ но идеи и убеждения религиозные занимают господствующее место.⁵⁰ Наиболее обобщенное выражение этой мысли Ранке дает в своей «Французской истории XVI—XVII вв.»: «Все человеческие действия зависят от тех религиозных представлений, с которыми люди живут».⁵¹

Можно привести сколько угодно примеров подобной богословской трактовки конкретных исторических явлений. Когда Ранке нужно объяснить причину распада Нидерландов в конце XVI в. на южные и северные провинции, имевшие различные политические судьбы, он дает следующую формулировку: «Важнейшее различие между ними лежало в религии».⁵² Тридцатилетняя война, отбросившая Германию на столетия назад, была, по его определению, вызвана, во-первых, «вопросом о том, иметь ли римской епархии влияние в Германии», во-вторых, «некоторыми незначительными догматическими разногласиями».⁵³ Среди причин, вызвавших Французскую революцию 1789 г., Ранке на первом месте называет «заблуждения духовенства и противоречия между двумя враждующими партиями по всем религиозным вопросам».⁵⁴ Подобные формулировки представляют собою именно то, что Маркс называл «сведением всех великих событий к мелочам и пустякам».

В отличие от Августина, Ранке не ставил знака равенства между историей и религией, не подчинял историю богословию. Богословие только помогало ему осмысливать исторические

⁴⁸ Eug. Guglia. Leopold von Ranke, sein Geistesentwicklung und sein Geschichtschreibung. Stuttgart, 1896, S. 231; Mühlbe, ук. соч., стр. 64.

⁴⁹ Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 405.

⁵⁰ Даже такие события, как открытие Америки, Ранке излагает языком библии: «но бог хотел, чтобы из этих споров получилось нечто необыкновенное...». Geschichte Romanischer und Germanischer Völker. Цит. по: Mühlbe, ук. соч., стр. 55.

⁵¹ Französische Geschichte. SW, Bd. IV, S. 246.

⁵² Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 356 (Римские папы, т. 1, 1874, стр. 491); ср. Об эпохах новой истории, стр. 117.

⁵³ Об эпохах новой истории, стр. 121.

⁵⁴ Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 241 (Римские папы, т. II, стр. 444).

явления и связи между ними. По-настоящему же его интересовали весьма реальные политические отношения и в своей практике исследователя он чаще ищет политическую подоплеку религиозных битв, чем наоборот. Он даже заявил однажды, что «область религиозной веры» следует отделять от исторической науки: обе эти области «не противоречат одна другой, но обособлены сообразно их природе».⁵⁵ Однако «отделение» религии от истории сводится у Ранке главным образом к тому, что богословская терминология в обобщающих положениях перемежается, а подчас и совсем вытесняется философской, светской терминологией.

По собственному признанию Ранке, главными его вдохновителями в области философии были Лютер и Платон. В таком сочетании протестантского богослова и древнегреческого философа нет ничего противозастенного: ни одна философская система не поддается так легко обработке и истолкованию в духе христианского богословия, как платоновская. «При всемирно-историческом подходе, — заявляет Ранке, — религиозная мистика в ее чистейшем выражении является необходимостью».⁵⁶ Платоновская философия, которую он воспринял через богословскую призму блаженного Августина, как раз и дала Ранке возможность протащить в науку истории религиозную мистику в виде целой иерархии идей.

Попытку М. Риттера упорядочить и разъяснить сбивчивую терминологию Ранке в этой области нельзя считать удавшейся.⁵⁷ Да нам и незачем углубляться в туманные рассуждения иррациональной философии, с помощью которой грубые материальные интересы господствующих классов и их правительств превращаются в «идеи», получая вместе с тем божественную санкцию. Достаточно отметить, что излюбленные понятия, которыми оперирует Ранке — «объективные идеи», «универсальные идеи», «принципы», «тенденции», «силы», «потенции» и прочие, служат для него своего рода ярлыками при систематизации исторических явлений или же призваны придавать обобщающий характер, привкус исторического закона предлагаемому им объяснению разных сторон исторического процесса. Нетрудно видеть, что никакого подлинного объяснения при этом не получается. Много ли можно извлечь из такого положения: «Образование и существо каждого учреждения обусловлены животворящей господствующей идеей, доминирующей

⁵⁵ Mühlbe, ук. соч., стр. 56.

⁵⁶ SW, Bd. 31—32, S. 86.

⁵⁷ M. Ritter. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. Berlin, 1919. S. 365—388.

чертой духа»? ⁵⁸ Или из такого: «Греко-славянский принцип проявился в России сильнее, чем где бы то ни было в мировой истории»? ⁵⁹ В первом примере Ранке имеет в виду «идею» прусской военно-бюрократической машины, не делая ни малейшей попытки раскрыть ее реальные черты, а во втором — православную церковь в качестве якобы главного признака русской национальной культуры. Но разве это в какой-то степени отвечает исторической действительности? В подобных формулировках мы можем только видеть «отрыв истории от действительности», присущий, как отмечал Маркс в «Немецкой идеологии», идеалистической школе Ранке.

Все идеи, утверждает Ранке, «божественного происхождения». ⁶⁰ На них «основаны человеческие состояния», определенный общественный порядок. «Но идеи, — поясняет он далее, — никогда не содержат в себе полностью божественного и вечного, из которого они проистекают», следовательно, они не могут реализоваться на земле в своей первозданной, совершенной форме. Этим обуславливается изменчивость человеческих обществ, процесс исторического развития. «На земле ничто не бессмертно: когда времена исполняются, из погибающего возникают более богатые по своему духовному содержанию устремления, которые окончательно разрушают все обреченное на гибель . . . Таков промысел божий над миром». ⁶¹ Здесь, как мы видим, последовательность общественных форм, хотя и рассматриваемая диалектически, сводится к последовательности идей, т. е. к тому, что Маркс называет «извращенным представлением исторического процесса». ⁶²

Над изменчивыми идеями и тенденциями, придающими определенную физиономию каждой из сменяющих друг друга эпох, Ранке ставит «вечные», «общие идеи» — религию и церковь, культуру и государство, а на самой вершине этой иерархии — «высшую идею» внемирового бога, от которой «зависит все» (*von der obersten Idee hängt alles ab*).

Подлинным источником этой философии истории является блаженный Августин, особенно его произведение «О граде божьем» (*De civitate dei*). У обоих авторов совпадают не только основные мысли, но иногда и формулировки. Подобно этому «отцу церкви» V в., Ранке уделяет в своих произведениях наибольшее внимание «идеям» церкви и государства. Будучи

⁵⁸ Politisches Gespräch. SW, Bd. 49—50, S. 652—666.

⁵⁹ Die grossen Mächte. SW, Bd. 24, S. 28 ff.

⁶⁰ Politisches Gespräch. SW, Bd. 49—50, S. 652.

⁶¹ Meisterwerke, Bd. I, S. 14.

⁶² К. Маркс. Введение к «Критике политической экономии». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 198.

теснейшим образом связаны между собою, эти идеи образуют, как он выражается, «ядро истории» и являются высшими носителями исторического процесса.⁶³ Выяснению сущности государства, его роли в жизни человечества посвящена значительная часть «Политического разговора». Здесь мы узнаем, что государство божественного происхождения, но в то же время оно выражает человеческое стремление к силе. Такое двойственное отношение к государству является также чисто августиновским, но только Ранке, в отличие от богослова V в., высоко ставит стремление государства к насилию, господству, захватам, выражающим его «сущность».

Каждое государство является ярко выраженной индивидуальностью: оно обладает своими особенностями, имеет свои собственные, только ему свойственные тенденции и прежде всего стремится к тому, чтобы укрепить свои позиции в окружающем мире. Для этого оно должно быть могучим, сильным — это его «высший закон».⁶⁴ Государство — это не что иное как исторически сложившийся «сгусток сил» (*Kräfteballung*), рожденный противостоящими силами, а его политика есть «политика с позиции силы» (*Machtpolitik*).

Дальнейшее развитие этих мыслей мы находим в «Речи о родстве политики и истории». Здесь выясняется, что «природа государств» толкает их к борьбе за господство. Те государства, или нации, которые не в состоянии выдержать борьбу, падают, гибнут, утрачивают свои особенности. Но ничто не гибнет полностью: погибающее примыкает к более сильному и совершенному, сливается с ним: так возникает новая жизнь. С этим связана и «непрерывная преемственность жизни» (*continuitas vitae*), которую несет в себе государство.

Излишне говорить, что все эти пышные фразы заключают в себе оправдание захватнических войн, любой агрессии, насилия сильных государств над слабыми.

Еще яснее свою концепцию «политики силы» (*Machtpolitik*) Ранке изложил в предисловии к «Всемирной истории». «Нации, — пишет он здесь, — живут в постоянной борьбе друг с другом за землю, могущество и господство. Эта борьба связывает их между собой; без нее они жили бы обособленно и к ним не приливали бы новая жизнь. Таким образом, борьба за господство имеет величайшее значение для выработки сознания общности человечества... Мировое государство, подчиняя различные нации своему руководству и втягивая их в единую

⁶³ Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. SW, Bd. 1, S. 1—4; Римские папы, т. I, стр. 6. Ср.: M. Ritter, ук. соч., стр. 380.

⁶⁴ SW, Bd. 49—50. S. 329—338.

форму жизни, делает возможным существование общечеловеческой культуры. Этот процесс духовного роста человечества не представляет собой мирного развития... а является результатом смертоубийственных и героических битв».⁶⁵ Отсюда вытекает положительная оценка войны как таковой, в чем, может быть, наиболее отчетливо сказалось духовное родство Ранке с воинственным прусским юнкерством, интересам которого он, в сущности, служил всю свою жизнь. Война для него отнюдь не является «бичом человечества», наоборот, она содействует «гармоническому развитию», принуждая государство к все новым усилиям и оставляя место также для «внутренней жизни». Фридрих II, Наполеон и прочие деятели, решавшие государственные задачи с помощью войн, в созданной Ранке универсальной схеме всемирной истории изображаются в качестве орудий «божественного плана». В противоположность историографии эпохи Просвещения, осуждавшей войну и политику с позиций силы, Ранке стремится подчеркнуть их положительные стороны. При этом ему совершенно чуждо представление о войнах справедливых и несправедливых, оборонительных и захватнических, выдвинутое, например, Гуго Гроцием в XVII в. Апология войны является составной частью его «историзма». Свою установку он подкрепляет цитатой из Гераклита: «Война — отец всех вещей».⁶⁶

Таковы выводы, к которым приходит Ранке с помощью извращенной диалектики понятий и тенденциозного подбора фактов истории. История служит ему для обоснования того, что отношения между нациями всегда определялись и будут определяться волчьим законом борьбы за землю и господство. Даже рост общечеловеческого сознания и культуры он выводит из насилия, а в грубой силе усматривает «проявление духовной сущности нации», ее «изначальный гений».⁶⁷ Со всем этим связано и учение Ранке о «примате внешней политики», т. е. об определяющем значении внешней политики для всей жизни государства, в том числе и для его внутреннего строя. Таковы те черты концепции Ранке, которые, как мы убедимся далее, делают его произведения необычайно актуальными и привлекательными в глазах современных сторонников политики «с позиции силы».

Наиболее сжатой исторической иллюстрацией к изложенной системе взглядов является его статья «Великие державы», которую, вероятно, поэтому на Западе ныне считают «шедевром» и «жемчужиной историографии». В этой статье дается общий

⁶⁵ Weltgeschichte. Meisterwerke, Bd. I, S. 19.

⁶⁶ Die grossen Mächte. SW, Bd. 24, S. 33 ff.

⁶⁷ F. Helmolt, ук. соч., стр. 63; Th. von Laue Leopold Ranke. The Formative Years. Princeton, 1950, p. 87.

обзор политического развития Европы с XVI в. Сначала «свобода Европы» гарантировалась равновесием сил Франции и Испании. Ослабление первой в период религиозных войн XVI в. нарушило это равновесие в пользу Испании, но при Людовике XIV положение коренным образом изменилось. Огромное военное преобладание, достигнутое Францией в это время, поставило от нее в зависимость большинство других европейских стран. Но господство одной державы вызвало в других странах силы сопротивления, которые сначала группировались вокруг Голландии, а затем вокруг Англии, захватившей господство на морях. Одновременно значение главных союзников Франции — Турции и Швеции — было подорвано выступлением на историческую арену новых великих держав — Австрии и России. Окончательно гегемония Франции в Европе была ликвидирована и европейское равновесие сил восстановлено с появлением на исторической арене в качестве великой державы Пруссии Фридриха II. Потерю своего преобладания французская нация приписала неудачной и бессильной политике королевского абсолютизма. Отсюда рост во Франции антимонархических и демократических идей, подготовивших революцию конца XVIII в. На эту революцию Ранке смотрит, главным образом, как на попытку французов собрать воедино национальные силы, дабы взять реванш. Это им удалось. Но революция породила хаос; она опрокинула идеи, которые Европа считала «благотворными, гуманными», поставила у власти «диких, насильнических, покрытых кровью якобинцев», тогда как во главе других государств стояла «живая, храбрая по натуре, но изнеженная и утонченная аристократия». Необычайно сильная государственная централизация позволила Франции одержать ряд побед и стать могущественнее всех держав континента. К этому времени она превратилась в военную деспотию во главе с Наполеоном, который уже был близок к своей цели — созданию «универсальной монархии». Чтобы противостоять этой силе, нужен был радикальный перелом. И действительно, в странах Западной Европы пробудился «дремлющий национальный дух, давший отпор французам». Этот процесс, начавшийся в 1809 г., знаменует «омоложение наций», «обновление принципов всех государств, их религии и права».

Во всем этом историческом развитии обнаруживается, таким образом, решающее значение «духовных сил», «моральной энергии». Во взаимодействии этих сил в их жизни, борьбе, гибели или возрождении на более высокой ступени заключается последняя «тайна всемирной истории».⁶⁸

⁶⁸ Die grossen Mächte. SW, Bd. 24.

Такова общая картина развития Европы в новое время, которую Ранке в «Великих державах» только наметил схематически и которую в своих больших трудах он дополнял, развивал и детализировал. Эта картина является в сущности попыткой исторически обосновать два положения — «примат внешней политики» и «право войны как орудия политики» — положения, столь близкие сердцу нынешних идеологов империализма, защитников холодной войны и бешеной гонки вооружений.

Однако этим далеко не исчерпывается ценность Ранке для современных реакционных сил капиталистического мира.

Через все произведения Ранке проходит мысль о культурном и духовном превосходстве так называемого романо-германского Запада, противостоящего «варварскому» Востоку в качестве оплота и источника человеческой культуры. Романо-германская группа народов, согласно представлению Ранке, является единственной, «принимающей участие в общеисторическом движении»; остальные группы остаются в сущности вне истории.⁶⁹ Славянские народы и венгры относятся к историческому развитию лишь в той мере, в какой они участвовали в защите Запада от монгольских и турецких нашествий. Иными словами, для Ранке всемирно-исторический процесс сосредотачивается даже не во всей Европе, а только в Западной Европе.

Единство Запада зародилось в бурный период переселения народов и завоевания германскими племенами Римской империи. В свое время Рим выполнил величайшую историческую миссию, «соединив первоначально различные народности средиземноморского бассейна в некую однородную общность». Повторяя мысль Августина и хрониста XII в. Оттона Фрейзингенского, Ранке видит в римской экспансии главную предпосылку распространения христианства, этой основы и условия жизненности западной цивилизации. Когда же Римская империя сыграла свою роль, общность германских завоевателей и романизованных народов бывшей империи была обеспечена римской церковью. В последующие столетия эту общность укрепили «совместные предприятия Запада против Востока», исходившие, как элегантно выражается историк, «из чисто духовной точки зрения» — Крестовые походы; основание на обломках Византии Латинской империи; покорение языческих народов за Эльбой и в Прибалтике; после 1492 г. к ним при-

⁶⁹ Об эпохах новой истории, стр. 2; ср. там же, стр. 8: «Некоторые народы совсем неспособны к культуре». См. также: *Neue Briefe*, S. 443, письмо к Мантейфелю от 31 мая 1865 г., где история Европы рассматривается как исчерпывающая все содержание всемирной истории. Число таких ссылок легко можно умножить.

соединились еще «колониальные предприятия» западноевропейских государств в заморских странах.⁷⁰

В объединении германских и романских элементов, навсегда определившем, по мнению Ранке, последующие судьбы Европы,⁷¹ руководящая роль сначала принадлежала романскому элементу, воплощенному в католической церкви. Церковь стимулировала развитие общеевропейской культуры; но когда этот процесс завершился, и Европа «в духовном отношении» стала единым целым, возникли новые потребности. Церковный элемент, ранее подавлявший национальности, пришел в упадок, латинский язык церкви отступил перед национальными языками, нации Европы обособились в отдельные государства. В это время Реформация, означавшая победу германского светского духа, с присущим ему «бесконечным стремлением к свободе», над романским «церковным иерархическим началом», — заставила историю изменить свое направление.⁷² Но хотя с распадом единства государства и церкви народы Запада разделились, они продолжают жить в рамках исторически сложившегося «сообщества». Противоречия и войны между ними будто бы никогда не были в состоянии затемнить сознания их единства.⁷³ Благодаря этому создана самая высокая культура, которую знает человечество, и Западная Европа стала центром всемирной истории. Завоевание западными государствами других стран и подчинение других народов означает распространение западной культуры, приобщение к ней всего человечества.

Так, Ранке конкретизирует ранее схематически набросанную им картину, одновременно расширяя ее хронологические рамки. В ней немало ценных элементов с точки зрения идеологов Североатлантического блока. Не меньшую привлекательность представляют для них соображения Ранке, касающиеся истории стран Средней и Восточной Европы, т. е. европейской части нынешнего могучего социалистического лагеря. Эти страны, населенные преимущественно славянскими народами, в исторической картине Ранке занимают третьестепенное место на окраине европейской цивилизации. К славянам, к их истории Ранке относится с подлинно юнкерским высокомерием. Правда, в ранние годы он написал «Историю революции в Сербии», но того

⁷⁰ Об эпохах новой истории, стр. 72.

⁷¹ Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 26; ср.: Ritter, ук. соч., стр. 363, 398.

⁷² Об эпохах новой истории, стр. 90; Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 41 f.

⁷³ Geschichte der Päpste. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 299; Politisches Gespräch. SW, Bd. 49—50, S. 36 f. Эти соображения Ранке, по формулировке автора Введения к Neue Briefe, «приобретают в связи с событиями наших дней удвоенный интерес» (Neue Briefe, Einleitung, S. XXVIII).

сербского просветителя, который снабдил его материалами для этого сочинения — Вука Караджича, — он не постеснялся назвать в одном из писем «варваром».⁷⁴ Варварами в глазах Ранке являются все вообще славяне. Если они в какой-то мере приобщились к цивилизации, то в этом, по мнению Ранке, заслуга германских завоевателей. Игнорируя одни факты и извращая другие, Ранке утверждает, что западные славяне начали организовываться в государства лишь благодаря Карлу Великому, «освободившему их от аварского ига». Он объясняет и в сущности оправдывает свирепую расправу королей Саксонской династии над полабскими славянами тем, что последние были упорными приверженцами язычества и проявляли «прирожденную ненависть к немцам».⁷⁵ Даже монах-хронист X в. Видукинд, отметивший в своей «Саксонской истории», что славяне героически сражались с немецкими феодалами за свою свободу, предпочитая смерть порабощению, проявил в данном вопросе более реалистический подход, чем прославленный историк XIX в.

К истории чехов Ранке также подошел с точки зрения немецких феодалов. Он подчеркнул, что стремление чехов к национальной независимости, проявившееся с особенной силой в период гуситских войн, было опасно для слабой в то время империи. «К счастью», это стремление потерпело полную неудачу сначала вследствие раздоров среди гуситов, а позже благодаря соперничеству между чехами и венграми,⁷⁶ пока, наконец, захват Габсбургами Чехии не обеспечил ее германизацию. Это, заключает Ранке, «весьма содействовало ее приобщению к европейским идеям».⁷⁷ Только Россия, «государство, основанное скандинавскими выходцами», европеизировала себя сама. Сообщая об этом с явным сожалением, Ранке внушает читателю мысль, что будь русские германизированы тевтонскими рыцарями, они не ограничились бы усвоением «одной лишь материальной европейской культуры» и не остались бы в стороне от «внутреннего нравственного прогресса».⁷⁸ Любопытно, что, ослепленный враждой к русскому народу, Ранке даже не заметил противоречия в своих высказываниях. Ведь он в той же работе, откуда взята вышеприведенная цитата, утверждает, что на Западе прогресс происходит только в области науки и техники, но отнюдь не в области нравственности и духовной куль-

⁷⁴ Цит. по: Guglia, ук. соч., стр. 112.

⁷⁵ Meisterwerke, Bd. 10, S. 258 f., 301 f.

⁷⁶ Meisterwerke, Bd. 13, S. 141; Об эпохах новой истории, стр. 96.

⁷⁷ Meisterwerke, Bd. 13, S. 54.

⁷⁸ Об эпохах новой истории, стр. 146—149; История Сербии, М., 1857, стр. 4.

туры.⁷⁹ От какого же прогресса осталась в стороне Россия?

Если так бесцеремонно, с полным презрением к исторической правде, оценивается развитие народов Восточной и Средней Европы, то что уже говорить об Азии! Ранке называет ее «отупевшей и неподвижной» (*dumpfe und starre Asien*), а все без исключения азиатские народы — «варварскими». Захваты и насилия европейских колонизаторов в странах Азии, по мнению Ранке, сыграли в истории самую положительную роль. Только размеры захватов (в середине XIX в.!) он считает недостаточными. Распространение западной культуры среди народов Востока, — пишет он, — «еще не обнаружилось как основное движение всемирной истории», вследствие чего многие из этих народов мало затронуты «общими идеями культурного мира».⁸⁰

Следует в связи с этим заметить, что под культурой Ранке понимает не только литературу, искусство, науку и технику, но в первую очередь — религию и церковь, государство и его учреждения. Таким образом, порабощение стран древнейших цивилизаций Востока с помощью государственного аппарата принуждения и органов католической церкви приобретает в его глазах значение настоящего вклада в культуру колониальных народов. В этом отношении поучительно одно место в «Истории пап», где колониальный гнет в Южной Америке обрисован следующими идиллическими чертами: «Завоевание здесь обратилось в миссию; миссия стала цивилизацией; иезуиты учили сеять и жать, сажать деревья, строить дома, читать и петь. Отсюда глубокая преданность населения иезуитам».⁸¹

Это обычный язык колонизаторов, это и язык Ранке. Весьма материальные интересы колониальных эксплуататоров их идеологи всегда прикрывали миссией культуртрегерства. Ранке выполняет эту задачу с максимальной «объективностью»: даже иезуитам он, не будучи католиком, воздает должное. Все это делает его ценным союзником современных колонизаторов в борьбе с освободительными движениями в колониальных и полуколониальных странах.

⁷⁹ Об эпохах новой истории, стр. 8.

⁸⁰ Там же, стр. 7; Mühlbe, ук. соч., стр. 121. В связи с продолжающимся «варварством» Азии Ранке отрицает возможность «всеобщего прогресса человеческого рода» (Об эпохах новой истории, стр. 89). Вообще эпохи, по которым он проводит периодизацию всемирной истории, не являются для него ступенями прогрессивного развития: каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к богу — *ist unmittelbar zum Gott*, т. е. имеет цену сама по себе (там же, стр. 4). Отметим и здесь полное совпадение с формулировкой блаженного Августина.

⁸¹ *Geschichte der Päpste*. Meisterwerke, Bd. 15—16, S. 74. Эти фальсификаторские утверждения с особенной настойчивостью повторяются и развиваются в новейшей реакционной исторической литературе — в трудах Гиро, Дэвиса, Мадарьяги, Сильвио Завалы и др.

* * *

В 60-х годах XIX в. Я. Буркгардт, знаменитый историк итальянского Ренессанса, выдвинул против Ранке тезис о решающей роли в истории человечества не государства с его военно-бюрократической машиной и подавлением свободы человеческой личности, а духовной культуры. Критика исторической концепции Ранке с идеалистических позиций была предпринята также лейпцигским профессором К. Лампрехтом, который на грани XIX и XX вв. пытался противопоставить чисто политическому содержанию работ учеников Ранке требование изучать преимущественно явления духовной и материальной культуры; это «историко-культурное направление», по недоразумению принятое за выражение «экономизма» и даже «материализма», было встречено в штыки подавляющим большинством историков.⁸² Господствующие классы «второго рейха», опьяненные военными и дипломатическими успехами Бисмарка, обеспечили школе Ранке монопольное положение в Германии. Эта школа получила и теоретическую поддержку со стороны влиятельных в Германии философов Виндельбанда и Риккерта. В соответствии со своим тезисом, что история есть наука о единичном, эти теоретики провозгласили произведения Ранке (который, как известно, ограничивался научно-художественным изображением единичных явлений) высочайшим образцом, идеальным эталоном всякого исторического творчества.

Тогда же, в период обострения империалистических противоречий, приведших к первой мировой войне, ученики Ранке — Макс Ленц, Ганс Дельбрюк, Фридрих Мейнеке и др. — сделали из его учения о борьбе за господство как проявлении «моральной энергии нации» крайние выводы в духе шовинизма, милитаризма и агрессивной внешней политики. Историческая картина международных отношений в Западной Европе XVI—середины XIX вв., нарисованная Ранке задолго до начала империализма, послужила его эпигонам в конце XIX—начале XX в. обоснованием для оптимистического прогноза результатов германской борьбы за передел мира. Не случайно в разгар первой мировой войны в 1916 г. Мейнеке переиздал «для широкой публики» работу Ранке «Великие державы», снабдив ее предисловием, направленным в первую очередь против «морской всемирной державы» Англии.⁸³

⁸² См.: А. Малинин. Старое и новое направление в исторической науке. «Рефераты» Исторического общества при Московском университете, т. II, М., 1898 и приведенную здесь библиографию.

⁸³ См.: L. Dehio. Ranke und der deutsche Imperialismus. «Historische Zeitschrift», Bd. 170, № 2 (1950).

Поражение Германии и падение империи Гогенцоллернов в 1918 г. явилось первым серьезным испытанием для репутации Ранке как учителя господствующих классов в области политики и истории. Даже для самых верных его учеников стала тогда очевидной ошибочность его метода применения истории к политике. По выражению одного современного историка, уже в то время несколько тускнеет слава Ранке и начинает восходить звезда Якова Буркгардта. Даже в панегирической литературе о Ранке все более утверждается мысль, что он «не политик и мало понимал в политике»,⁸⁴ что он «знал прошлое, но был слеп в понимании будущего».⁸⁵ Правда, к этому неизменно добавлялось, что банкротство историко-политических взглядов Ранке нисколько не затрагивает его величия как историка. «Сам Ранке тоже дитя своего времени, — пишет А. Мейер, — его мысли и заботы отошли в прошлое, стали достоянием истории. Что навсегда останется, это его идеал — излагать события, как они происходили в действительности, это — его объективность и беспристрастие, в которых нет ему равных».⁸⁶ Как в действительности обстояло дело с объективностью Ранке, мы могли уже убедиться выше.

В период углубления кризиса буржуазной исторической мысли — между двумя мировыми войнами — решительной атаке подверглось и это последнее основание, на котором еще держалось значение Ранке: его «объективность и беспристрастие». В этот период самое широкое распространение получили идеи агностицизма и абсолютного релятивизма в их применении к истории. Представители этих направлений пересматривают научное наследие Ранке с позиций субъективного идеализма и объявляют его исследовательский метод, его принципы «объективности» безнадежно устаревшими, не имеющими никакой цены.

Зачинателем этой критики явился итальянский философ и историк Бенедетто Кроче. Исходя из положения, что всякая «писанная история есть только мысль современности о прошлом», Кроче в ряде статей⁸⁷ развивает тот взгляд, что так на-

⁸⁴ H. F. Helmolt, ук. соч., стр. 93.

⁸⁵ H. R. von Srbik. Geist und Geschichte, Bd. I. München, 1950.

⁸⁶ A. Meyer. Rankes Stellung in modernen historischen Denken. Rankes Meisterwerke, Bd. XXIV, Hamburg, 1931; P. Geyl. From Ranke to Toynbee. North. Mass., 1952.

⁸⁷ Все его высказывания о Ранке начиная с 1916 г. сведены в книге «La storia come pensiero e come azione», Bari, 1938 (в главе «История без исторической проблемы»). Доцент Иенского университета Хейсси сделал попытку как-то примирить крочеанский релятивизм с объективным идеализмом Ранке. Он старается доказать путем соответствующего истолкования высказываний Кроче, что последний вовсе не имел в виду «при-

зываемая чистая историография, кичащаяся объективностью и беспристрастием, во-первых, вовсе не свободна от предвзятых взглядов и тенденций, а во-вторых, представляет собою в лучшем случае «хронику, лишенную исторической проблемы». Чтобы иллюстрировать эти положения, Кроче подвергает разбору некоторые из основных принципов работы Ранке и приходит к выводу, что прославленный немецкий историк был «робким консервативным слугою Прусского государства», что его «интерес к прошлому не исторический, а психологический», и что единственным его достоинством является только умение «приятно и занимательно» рассказывать.

Ч. Бирд и некоторые другие американские историки подхватили эту критику. В конце 1933 г. Бирд заявил, что «формула истории, предложенная Ранке, ныне отвергнута и сдана в музей древностей», а сам Ранке весьма далек от объективности. Он писал для господствующих классов Германии, которые «после 1815 г. нуждались в мире, чтобы упрочить свои позиции», и его историческое творчество, «внешне холодное, бесстрастное, фактологичное, наилучшим образом служило их делу».⁸⁸

В связи с этим выступлением развернулась дискуссия. Т. Кларк Смит, поддерживаемый группой историков, защищал Ранке и вместе с ним всю старую объективно-идеалистическую позицию буржуазной историографии.⁸⁹ Бирд ответил статьей «Благородная мечта», в которой высмеял «великолепную надежду» г. Смита на то, что историк в состоянии освободиться от расовых, политических и прочих предрассудков и изложить историю, какой она была в действительности.⁹⁰ В другой статье, написанной совместно с А. Вагтсом, Бирд подвел итог своей критике «объективной школы» и дал следующую оценку творчеству Ранке: «из-за внешне холодного, заботливо документированного рассказа Ранке, принятого за „великий образец“, светится гер-

низить несомненное величие Ранке», что «достижения Ранке» он сам считал замечательными, а такие его произведения, как «История пап» — даже «шедевром мировой историографии». Хейсси, очевидно, не понял основной мысли Кроче; все его толкования являются натяжками. См.: K. Heussi. Leopold von Ranke in Urteil von Benedetto Croce. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Fr. Schiller-Universität», Jena, Jahrgang 3 (1953/1954). О Б. Кроче см. особенно: И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, гл. 3.

⁸⁸ Ch. Beard. Written History as an Act of Faith. «American Historical Review», vol. XXXV, № 2 (1934).

⁸⁹ Th. Cl. Smith. The Writing of American History. «American Historical Review», vol. XL, № 3 (1935).

⁹⁰ Ch. Beard. That Noble Dream. «American Historical Review», vol. XLI, N 1.

манская бюрократическая душа реакции против Просвещения».⁹¹

Изложенная здесь полемика любопытна в качестве одного из показателей кризиса буржуазного историзма. Однако она оказалась уже потому бесплодной, что обе участвовавшие в ней стороны оставались на почве идеалистической теории познания, которой чужда коренная проблема — отношения общественного (исторического) бытия к общественному (историческому) сознанию. А без правильного решения этой проблемы не может быть понята антинаучная сущность исторической концепции Ранке, не может быть правильно решен вопрос об отношении рисуемой им исторической картины к реальной действительности.

В разгар второй мировой войны Ранке подвергался в англосаксонских странах осуждению в качестве идейного предшественника немецкого фашизма. В 1942 г. в одном из наиболее распространенных американских журналов «Тайм» появилась статья, в которой написано следующее: «Немецкий интерес к Ранке есть одна из попыток ускользнуть от сегодняшней ответственности, подобно тому, как сам Ранке избегал ее путем своеобразного политического квиетизма, находя бога в истории и ссылаясь на то, что божья воля обеляет любые несправедливые действия. Ранке говорил об историках как жрецах истины, а на государей смотрел как на самых святых из жрецов. Государство никогда не ошибается, а если оно и грешит, то ему, Ранке, нет до этого дела. Таков же и дух образованных классов в Германии, который привел Гитлера к власти и который господствует в ее академических кругах».⁹²

Однако новый поворот в международных отношениях после крушения гитлеровского «рейха» и начала «холодной войны» повлек за собою в исторических кругах США новый пересмотр проблемы Ранке.

В конце 1951 г. профессор Нью-Йоркского городского колледжа Г. Кон выступил на съезде Американской ассоциации историков с докладом, в котором он пытался (повторяя мысли западногерманских историков) объяснить катастрофу Германии ее идейным и политическим разрывом с Западом. В «глубоких антизападных чувствах немцев», проявившихся со все растущей силой с середины XIX в., Ранке неповинен: этот «первоклассный мыслитель» сам находился еще целиком «под влиянием общеевропейской традиции». Хотя Ранке «несколько» идеализировал государство, но он был далек от прославления

⁹¹ Ch. Beard and A. Vagts. Currents of Thought in Historiography. «American Historical Review», 1937, № 2.

⁹² «Time Literary Supplement», 1942, цит. по: Р. Гейл, ук. соч.

грубой материальной силы. От этой односторонности его предохранила «христианская гуманистическая основа его исторической концепции». Ранке уже потому неправильно считать идейным предтечей нацизма, что в его время «ничего еще не знали о новейших эксцессах в применении политики силы». Г. Кон приходит, таким образом, к выводу, что если «Германия стала авангардом мятежа против Запада», то виновны в этом не Ранке и его ученики, а «правые националисты» и «социалистическая левая» (т. е. коммунисты).⁹³

Так, проблема Ранке стала в США предлогом для обсуждения чисто политического вопроса о поддержании в Германии «христианской демократии» и об ее месте в Атлантическом блоке.

С тех же политических позиций, но только с более широким привлечением историографических материалов, рассматривает проблему Ранке известный американский историк Фердинанд Шевилл. В своей статье «Ранке: возвышение, упадок и устойчивость одной репутации»⁹⁴ он уверяет, что критика, которой подвергали Ранке за последние годы, поддерживалась ничтожным меньшинством историков, и что «решительное большинство осталось на прежних позициях». Хотя, как признает он далее, в результате этой критики «репутация Ранке несколько пострадала», но только «умственно близорукие и наивные люди, видящие лишь чисто внешние изменения», готовы принять их за «полное помрачение» его славы. Кроче, Бирд и другие обвиняют его в том, что у него нет никакой философии. Верно лишь то, что Ранке не принял ни рационалистической методологии восходящего к XVIII в. позитивизма, ни философии Маркса, «идущей под знаменем социализма». Но, — продолжает Шевилл, — у Ранке все же была своя философия, «древняя и почтенная» — философия христианства, на основе которой он пришел к принципам историзма и стал их «главным и ведущим пропагандистом». Значение его историзма заключается, по выражению Шевилла, в замене «революционной апелляции к разуму эволюционной апелляцией к истории». Из этого положения вытекают два вывода, которые Ранке открыто не формулировал, но которые содержатся в его работах: во-первых, «право войны как орудия политики» и, во-вторых, «примат внешней политики». В заключение Шевилл подчеркивает еще одну заслугу Ранке,

⁹³ Доклад Кона составляет вводную главу к его хрестоматии «German History. Some New German Views». Edited by H. Kohn. Boston, 1954. Здесь перепечатаны в английском переводе статьи ряда немецких историков за 1946—1951 гг.

⁹⁴ F. Shevill. Ranke: Rise, Decline and Persistence of a Reputation. «Modern History», 1952, Septembre.

немаловажную в глазах идеологов Североатлантического блока, а именно, историческое обоснование «единства западной цивилизации» и ее исконной противоположности Востоку.

Таковы аргументы, с помощью которых Шевилл хочет доказать свою основную мысль: Ранке рано сдавать в «музей древностей», его нужно, наоборот, снова вознести «на самую верхушку храма историографии», откуда его пытались спустить вниз чересчур рьяные приверженцы субъективного идеализма и релятивизма.

Активное участие в пересмотре вопроса о Ранке приняли, естественно, и немецкие буржуазные историки-антифашисты, эмигрировавшие в 30-х годах в США — Теодор фон Лауэ, Г. Мазур, Энгель-Яноши и др. Они подвергли критическому рассмотрению историзм Ранке «на основе современного положения, особенно в связи с его политическими последствиями для Германии» и пришли к выводу, что этот историзм «содействовал росту германского национализма» и «поощрял тоталитарную реорганизацию всех сторон жизни».⁹⁵ Но их критика, проводимая с позиций «западного универсального либерализма», половинчата и лицемерна. Она заканчивается полным отпущением грехов Ранке как идеологу прусской авторитарной монархии, поскольку он «наивно верил в добрые намерения» последней и в духе «христианского милосердия» благодушно относился как к положительным, так и к отрицательным проявлениям политической жизни. Т. фон Лауэ, которому принадлежит эта формулировка, считает «благодушие» Ранке специфической чертой его историзма, особенно ценного, по его мнению, в современном расколе на две половины мире, ибо «без взаимопонимания и терпимости нельзя и думать о восстановлении единства народов».⁹⁶

Каким бы странным ни казался нам этот ход мыслей, допускающий возможность идейного компромисса между марксизмом-ленинизмом и «либерально-демократической традицией» Запада, он отражает умонастроение части буржуазной американской интеллигенции, которая даже в самый разгар «холодной войны» не питала к ней сочувствия, но не вполне правильно понимала советский принцип мирного сосуществования.

В конечном итоге выявившиеся в новейшей американской буржуазной литературе расхождения в оценке Ранке сводятся в основном к различиям в оценке современной политической ситуации. Иными словами, здесь нашла свое выражение и практическое применение модная ныне в США теория презентизма.

⁹⁵ Th. von Laue, ук. соч., стр. 96—97: Ср. сочувственную рецензию на эту работу Герхарда Мазура в «American Historical Review», 1950, № 1

⁹⁶ Th. von Laue, ук. соч., стр. 107—108.

Наиболее остро проблема Ранке и ценности его историко-политического наследия встала, естественно, перед буржуазными историками, продолжающими работать в самой Германии (в ФРГ). Катастрофа гитлеровского «рейха» произвела в их рядах настоящее смятение, и это вполне понятно. Со времен Ранке историческая наука в Германии более чем в любой другой стране была связана с политикой правящих кругов, вдохновляясь ею и в свою очередь оказывая на нее большое влияние. Последнее в значительной мере определялось тем, что немецкие буржуазные историки развили далее известное уже нам учение Ранке о государстве как «сгустке национальных сил», ведущих борьбу за господство в окружающем мире, и в этом духе воспитывали национальную буржуазию. Полное банкротство «политики силы» в 1945 г. означало для немецких историков и банкротство их науки. «Растерянный и подавленный стоит сегодня немец у могилы своего прошлого», — так формулировал в 1947 г. Герхард Риттер новое отношение немецкого буржуа и буржуазного интеллигента к традиционной концепции германской истории. В этих условиях спасти немецкую буржуазную историческую науку как силу, необходимую для воспитания будущих поколений, могла только «основательная ревизия» этой концепции, восходящей к Ранке. О неотложности «ревизии» в один голос заговорили такие ведущие историки, как Фридрих Мейнеке, Герхард Риттер, Людвиг Деио, Вальтер Гофер и многие др.⁹⁷ Но в каком направлении должна пойти эта ревизия и в каких пределах она допустима — по этим вопросам нет полного единогласия. Одни стремятся полностью порвать с политическими принципами, внесенными в историческую науку Ранке и его школой; другие всячески выгораживают Ранке, осуждая не его принципы, а только крайние выводы, сделанные из них

⁹⁷ Для дальнейшего изложения здесь использованы главным образом следующие работы: Fr. Meinecke. 1) *Die deutsche Katastrophe*. Berlin, 1946 и 2) *Ranke und Burckhardt*. Berlin, 1948; Gerh. Ritter. 1) *Geschichte als Bildungsmacht. Ein Beitrag zur historisch-politischen Neubestimmung*. Stuttgart, 1947. 2) *Vom sittlichen Problem der Macht. Fünf Essays*. Berlin, 1948. 3) *The Corrupting Influence of Power* (английский перевод кн.: «Die Dämonie der Macht» с предисловием Г. П. Гуча, London, 1952) и ряд статей в «*Geschichte im Wissenschaft u. Unterricht*» за 1950; Ludwig Dehio, *Ranke und der deutsche Imperialismus*; E. Kessel. *Ranques Idee der Universalgeschichte*. «*Historische Zeitschrift*», Bd. 178, № 2 (1954); Walt. Goetz. Fr. Meinecke. «*Historische Zeitschrift*», Bd. 174, № 2 (1952); Walt. Hofer. *Geschichte und Politik*. «*Historische Zeitschrift*», Bd. 174, № 2 (1952); Th. Heuss. *Zur Frage einer europäischen Geschichtsforschung*. «*Die Welt als Geschichte*», 1953, H. 2; Ed. Spranger. *Aufgaben des Geschichtsschreibers*. «*Nistorische Zeitschrift*», Bd. 174, № 2 (1952); статьи Риттера, Мартина, Гофера и др., изданные в английском переводе в кн.: H. Kohn. *German History*. Boston, 1954.

его «эпигонами». В центре дискуссии стоят в связи с этим две проблемы: отношение к ранкевской концепции *Machtstaat* и *Machtpolitik* — во-первых; отношение Германии к «Западу», т. е. к возглавляемому США Атлантическому блоку — во-вторых.

Фр. Мейнеке, в прошлом — панегирист Ранке, бисмаркианец, враг либерализма и антисемит, уже во времена нацизма стал отходить от своего учителя и все более ориентироваться на Буркгардта. В 1946—1948 гг. он подчеркнул в своих работах «Немецкая катастрофа» и «Ранке и Буркгардт», что Ранке чрезмерно «облагородил» идею государства как носителя «политики силы» и как воплощения на земле божественной мысли. Возвеличение государства у Ранке тем более опасно, что его ученики отказались от «объективного идеализма» и христианской гуманности учителя. «История последних сорока лет показала, что в оценке нашего прошлого необходимы новые перспективы и проблемы». Яков Буркгардт, ставивший цивилизацию гораздо выше государства и религии, ибо она не нуждается для своего развития в силе и могуществе, а только в свободе и независимости, — ныне гораздо ближе «немецкому духу», чем Леопольд фон Ранке. Поэтому Мейнеке призывает немецких историков «переучиться».

В том же смысле, только с большей остротой, высказался известный социолог Альфред фон Мартин. В статье «История с точки зрения гуманности» (Ульм, 1946) он писал: «Формула Ранке — как собственно все происходило (*wie es eigentlich gewesen ist*) — самое неудачное определение задачи историка». За ее видимой наивностью скрывается преклонение перед внешними фактами, особенно относящимися к военной и дипломатической истории. Буркгардт с полным основанием видел в подобных фактах «много мусора и мало смысла». Полемизируя с известной мыслью Ранке (фактически отрицающей прогресс), что «все эпохи одинаково близки к богу», Мартин замечает: «Эпоха 1933—1945 гг. показывает, что были и эпохи, гораздо более близкие к дьяволу, чем к богу». В заключение он призывает немцев вернуться к старым германским традициям гуманизма, памятуя о своем долге перед «христианской цивилизацией».

Но уже в 1950 г. в выступлениях по этому вопросу начинают слышаться другие ноты. Людвиг Деио в статье «Ранке и немецкий империализм»⁹⁸ сперва показывает, как историки Ленц, Дельбрюк, Эрих Маркс, Рахфал и другие приспособляли «историческую картину Ранке» к потребностям немецкого империализма начала XX в. Не подвергая сомнению верность этой

⁹⁸ Она полностью перепечатана в кн.: L. Dehio. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München. 1955, S. 39—69.

картины для XVIII—середины XIX вв., Деио подвергает критике их старания обосновать необходимость борьбы против Англии, как опаснейшего врага германского империализма, и неизбежность ее поражения. В общем Деио показал, как ранкевская манера связывать историю с политикой привела его последователей к конкретным ошибкам и в истории, и в политике, но сам не сделал никаких выводов из этой критики, если не считать довольно неопределенного упрека всем немецким историкам «от Ранке и до Трейчке», которые усердствовали в противопоставлении Германии всем ее западным соседям и тем содействовали наступлению катастрофы 1945 г.

Герхард Риттер, ныне признанный глава «исторического фронта» в Западной Германии, также придает решающее значение «роковому разрыву» между Германией и Западом. В 1947 г. он выдвинул требование «полного пересмотра всего немецкого исторического мышления», мотивируя его следующим образом: «Мы никогда не сможем вступить в плодотворный разговор с Западом, если не будем готовы отказаться от некоторых излюбленных представлений, которыми жила немецкая историография...». Эти представления развились из «гениальных» мыслей «Политического разговора» и «Великих держав». Но, хотя эти произведения Ранке плодотворно влияли на немецкую историографию, они обобщили опыт только немецкого народа. Притом у самого Ранке национальная исключительность была смягчена его всемирно-историческим подходом к прошлому и его «христианско-гуманистическим мировоззрением», чего абсолютно лишены Трейчке, Дройзен и прочие историки прусской школы (в эту компанию Риттер незаконно включает и Гервинуса, известного противника Ранке). По Риттеру, только эти «неверные ученики», но отнюдь не сам Ранке, повинны в культе государства и политической мощи, в одностороннем пристрастии к внешней политике, в прославлении войны и проповеди милитаризма. Общим же недостатком всей немецкой историографии, включая и Ранке, всегда являлось то, что она стремилась к «пониманию», но не к критике прошлого.

Характерно, однако, что Риттер, видимо, показывая пример такой критики, не идет дальше декларативных заявлений о «кровавом дилетантстве нацистского учения о расе» и о необходимости впредь заниматься не только героями, но учитывать «страдания масс, гекатомбы людских жертв», приносимых на алтарь каждой великой исторической победы.

Риттер в ряде своих трудов наиболее подробно останавливается на различном понимании сущности и задач государства у немцев и у их западных соседей. Последние видят в государстве лишь силу, необходимую для поддержания общественного

порядка и для охраны индивидуальной свободы, но не обожают эту силу, относятся к ней даже с недоверием. Немецкая же историческая мысль в виде своего рода реакции (Rückschlag) против идеалов гуманности и космополитизма XVIII в. неправильно выдвинула на первое место внешнеполитические национальные задачи государства. Следует ли отсюда, что путь к примирению немецких историков с Западом ведет через восприятие пессимистических антигосударственных идей Буркгардта, как это представлялось Фридриху Мейнеке? Риттер предостерегает от такого вывода своих коллег: «Мы утратили веру в могущество государства, но не в его значение как силы порядка, ибо без применения силы, без принуждения не может быть твердого порядка».

В 1947 г. Риттер считал самой опасной для немецкой науки «национальную самоизоляции». Поэтому в качестве второй задачи немецких историков он выдвинул требование вернуться к «универсальной исторической картине» Ранке, но только придав ей «еще более универсальный характер» и освободив ее от порожденных «слепым патриотизмом» националистических преувеличений.⁹⁹

В одном только отношении новейшая немецкая историография не должна, по мнению Риттера, идти на уступки Западу — в отношении различных «социологических обобщений» вроде биологической теории Спенсера, «современной» теории культурных циклов (очевидно, имеется в виду Тойнби) и, разумеется, «диалектического материализма». Все подобные теории немецкая историография всегда «воспринимала как угрозу ее жизненному принципу», и эту «позицию менять не следует».

С изложенными взглядами полностью солидаризировался и Вальтер Гофер в дюрингской лекции 1947 г. «К ревизии немецкой концепции истории». Подобно Риттеру, и он старается выгородить Ранке, перенося всю тяжесть критики на его последователей. Последние, в особенности Трейчке, «абсолютизировали» национальную идею Ранке, «радикализировали его глубокую мысль о примате внешней политики», обратили в «историческую акцию» то, что Ранке выражал в чисто «созерцательной форме наблюдений над миром истории», сделали всю историческую картину «германоцентрической», — словом, довели немецкую

⁹⁹ Нельзя обойти молчанием любопытную оговорку, которую делает Риттер к этому требованию: оно вызвано, мол, «не политическим оппортунизмом и не прислужничеством перед нынешними властителями, а интересами научной истины». Но ведь кому неизвестно, что «интересами научной истины» слишком часто прикрывались и прикрываются в буржуазной историографии политические и классовые интересы любых «властителей».

историческую мысль до вырождения в результате утраты присущего Ранке «чувства пропорции».

Гофер не устает подчеркивать, что самым опасным в этой эволюции историографии явилось то, что господствующая у Ранке картина общности западноевропейской цивилизации была заменена германоцентричной, узко-националистической исторической картиной. Вместе с тем он не отрицает наличия «опасных» элементов в исторической концепции самого Ранке, поскольку они послужили исходной точкой для последующих уклонов.

Однако с укреплением положения ФРГ в системе Атлантического блока даже такая весьма смягченная критика некоторых идей Ранке была отброшена. Опубликованная в 1952 г. работа того же Гофера «История и политика», как отмечает сам автор, полностью примыкает к трактовке этой темы в известной речи Ранке 1836 г. Гофер стремится показать, что «интеллектуальное банкротство» немецкой исторической школы, которое обнаружилось уже после первой мировой войны, характеризует состояние не одной немецкой, но и всей вообще историографии. Повсюду история, как наука, «разрушается в самой основе», «обращается в орудие политической пропаганды». «В ряде стран уже не отдельные историки, как раньше, а все ищут в истории только то, чего требует государство». Нас, конечно, не может удивить, что когда дело доходит до конкретных примеров, Гофер ограничивается указанием на... Советский Союз. Именно здесь, оказывается, наука истории «разрушена в самой основе». Вступать в полемику с Гофером по этому вопросу — дело совершенно безнадежное, тем более, что он, видимо, по недостатку места, ограничился голословным заявлением. Но цель достигнута: острие критики отведено от немецкой историографии и ее признанного учителя Ранке.

Тем не менее у Ранке, даже по мнению Гофера, остается одно весьма уязвимое место, особенно с точки зрения защитников «западных демократий»: он был убежденным монархистом, консерватором, ярким противником не только революционных, но и буржуазно-либеральных идей. Гофер не может отрицать того, что «историческая картина Ранке целиком опирается на принципы монархии, а не народного суверенитета». Но это, — утверждает он, — нисколько не умаляет ни научной ценности данной картины, ни правильности метода Ранке. Ибо последний «понял, что историк должен позволить, чтобы на него духовно влияла современность, дабы он мог лучше понять прошлое». Но если «современность» предопределила реакционность и монархизм Ранке (хотя все же остается непонятным, почему та же эпоха иначе повлияла, например, на Шлоссера или Гервинуса), то не

пострадала ли от этого его «объективность»? Нисколько, — рассеивает эти сомнения Гофер: здесь лишь кажущееся противоречие, проявление свойственного Ранке «динамического историзма», беспрестанного «перехода от настоящего к прошлому и наоборот», — перехода, столь характерного для вечного процесса становления, взаимодействия и изменения в истории.

С помощью подобного словесного тумана любые предметы лишаются своих очертаний и утрачивают свои краски. Таким путем нетрудно «реабилитировать» не только Ранке, но и козла опущения современной немецкой буржуазной историографии — шовиниста Трейчке.

К соображениям Риттера и Гофера другие западнонемецкие историки, после них писавшие на данную тему, ничего нового не прибавили. Назовем из них только Теодора Хейса, который в 1953 г. обобщил выводы Риттера и Гофера в следующей лапидарной формуле:

«Нам нужна новая историография, новая манера (neue Art). Она предполагает отказ от застывших представлений, разоживание застывших форм. Эта новая манера может быть даже старомодной (!): она должна только отказаться от Гегеля, от Маркса и от Трейчке и твердо придерживаться Ранке, может быть, кое в чем подправленного Бургкгардтом».¹⁰⁰

Таким образом, западнонемецкая историография за каких-то десять лет по окончании второй мировой войны завершила полный цикл развития: от самокритики — к критике историографии в других странах, от обороны — к наступлению, от осуждения «опасных идей» Ранке — к их оправданию.

* * *

Подведем итоги. Освящение войны как вечного закона, действующего в отношениях между народами и государствами, и в связи с этим примат внешней политики во всемирно-историческом процессе; крайний европоцентризм и превознесение «западной цивилизации» как единственной культурно-исторической ценности; подчеркивание единства западного мира, противостоящего Востоку; высокомерие колонизатора, убежденного в истинном превосходстве романо-германских народов над всеми другими народами земного шара; ненависть к революциям, в которых усматривается только нарушение медленной эволюции человеческих обществ, приводящее к хаосу и уничтожению культурных ценностей, — таковы те черты исторической концепции

¹⁰⁰ Th. Heussi. Zur Frage einer europäischen Geschichtsforschung, стр. 73—75.

Ранке, которые, как было показано на предшествующих страницах, наиболее привлекают к ней современных идеологов империализма.

Ко всему этому нужно добавить еще свойственное Ранке мистико-религиозное настроение, его склонность придавать своим суждениям и оценкам благочестиво-христианскую форму, его «древнюю и почтенную» философию христианства.¹⁰¹ Если мы вспомним, что подобная манера прикрывать самые насильнические действия «христианской моралью» кое-где на Западе в почете и в настоящее время,¹⁰² то станет понятным, почему Леопольд Ранке не устарел в качестве учителя современных империалистов и в этом отношении. Многие его историко-политические оценки не только сами по себе звучат весьма актуально, но и являются образцом умения наряжать их в самые «благочестивые одежды».

Рассмотренный же нами спор о значении Ранке представляет несомненный интерес для характеристики современного состояния буржуазной историографии. Мы видели, что релятивисты отвергают Ранке с его претензией описывать события прошлого «как они действительно происходили», ибо связанное с этим требование «объективности», хотя бы в самом ограниченном смысле этого слова, находится в кричащем противоречии с главной функцией «большой историографии» в современном капиталистическом мире — служить орудием политической пропаганды. Но тем самым в глазах читателя обнажается классовая сущность исторической науки как политики империализма, «опрокинутой в прошлое». Этим и вызвана защита Ранке от атак релятивизма теми историками, которые считают вредной подобную демаскировку. Их главным аргументом при этом является наличие в наследии Ранке множества реакционных положений и псевдонаучных обобщений,

¹⁰¹ Насколько упорно и поныне культивируются все эти особенности научного творчества Ранке в немецкой буржуазной историографии, показывают, между прочим, произведения Корнемана, Альтгейма, Герхарда Риттера и др., рецензированные А. И. Немировским в статье «Вопросы истории древнего мира в современной западногерманской историографии» («Вопросы истории», 1954, № 12) и статья Лабуды (G. Labuda. Stare i nowe tendencje w historiografii. «Przegląd Zachodni». 1956, № 7—8, st. 230 и сл.).

¹⁰² Американский историк Джулиус Пратт превосходно показал, как на протяжении уже нескольких поколений руководители его страны любили облекать свои захватнические намерения в самые благочестивые одежды. Рассказав о том, как президенту Мак-Кинлею «сам бог советовал присоединить к США Филиппины», он остроумно замечает: «его бог говорил языком, весьма напоминавшим язык Марка Ханна» (миллионера, фактически руководившего действиями президента). (J. W. Pratt. The Ideology of American Expansion. Essays in Honor of W. E. Dodd. Chicago, 1935).

которые сегодня еще могут сослужить службу в борьбе против революционных идей марксизма-ленинизма. В Западной Германии к этому еще присоединяется традиционное преклонение перед Ранке как явлением национальной культуры.

Следует также отметить, что обе спорящие стороны игнорируют то, что творчество Ранке представляет собою уже пройденную ступень в буржуазной исторической науке, так как его достижения в методике и технике исследования превзойдены дальнейшим развитием науки; что же касается художественных достоинств трудов Ранке, то эти труды уже потому не могут быть отнесены к «непреходящим ценностям», что их содержание находится в резком противоречии с мировоззрением огромного большинства человечества, осознавшего себя как подлинного творца своей собственной истории и проникнутого ненавистью к империализму, колониализму и к любым проявлениям политики с позиции силы.

Таким образом, новейшие попытки гальванизировать Ранке, обновить и использовать в целях реакционной политической пропаганды обветшавшее оружие его идей свидетельствует только об углублении кризиса буржуазной исторической мысли, об ее оскудении.